Лингвистика

УДК 811

А.В. Флоря

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ СИМУЛЯКРОВ НАУКИ

В данной статье характеризуются два основных вида мнимо-научной деятельности – псевдонаука и эрзац-наука. Псевдонаука находится в оппозиции к традиционной науке и претендует на открытие истины альтернативными средствами. Эрзац-наука является имитацией научной деятельности, не создавая нового знания. Различие между этими симулякрами науки проявляется в типичных для них лингвистических признаках, например, в особенностях терминологии. Основной отличительной чертой эрзац-науки является избыточность, которая выражается в злоупотреблении терминологией (как правило, заимствованной и малопонятной), в излишней цитации и апелляции к авторитетам, во включении в библиографию ненужных для данного текста источников.

Ключевые слова: симулякр, псевдонаука, эрзац-наука, маркер, научный стиль, терминология.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-3-371-376

Падение уровня научных исследований стало в последние 30 лет серьезной проблемой. И, соответственно, особую актуальность приобретает тема демаркации науки и ее симулякров. Мы вынужденно употребляем именно термин «*симулякр*» вместо более привычного слова «*имитация*», потому последняя предполагает сознательную, намеренную подделку под науку. У нас же речь пойдет о предметах более широкого круга. Для их обозначения употребляются разные слова – *лженаука, антинаука, псевдонаука, квазинаука, паранаука, эрзац-наука, девиантная наука* даже *фол*(*ь*)*к-наука* (чаще всего говорят о *folk-history*), – но единого общепринятого термина не существует. Во-вторых, что важнее, этими словами именуются очень разные явления, которые следует различать не только с настоящей наукой, но и между собой. Различение их необходимо для демаркации науки и не-науки.

Это не значит, что не делается никаких попыток упорядочения данных терминов. Это происходит даже на уровне толковых словарей, в которых «в той или иной мере толкуются лексемы, соответствующие понятиям ‘антинаука’, ‘квазинаука’, ‘лженаука’, ‘паранаука’ и ‘псевдонаука’. Они (лексемы) характеризуются как синонимы, причём доминантой синонимического ряда выступает слово лженаука. Интегральные семы синонимического ряда: ‘учения, взгляды’, ‘связанный с наукой’, ‘не являющийся научным’ (...) *Антинаука* – это учение, которое по своему содержанию противоположно и враждебно науке, его целью является борьба с наукой и препятствие ее распространению и развитию. *Лженаука* – это учение, представители которого выдают свои взгляды, выраженные в наукообразной форме, за научные факты или теории, ясно осознавая их ненаучный характер. *Псевдонаука* – это такие взгляды, носители которых могут вполне искренне думать, что занимаются наукой, однако их занятия не соответствуют существующему представлению о научности, потому что они не пытаются выяснить истину, а подгоняют факты под собственные субъективные гипотезы» [4]. Таким образом, уже простая словарная работа помогает довольно корректному разграничению ненаучных явлений.

Существуют многочисленные попытки классификаций ненаучной деятельности (в частности, см.: [6; 8]). Однако из поля зрения исследователей выпадает явление, значительно отличающееся от вышеназванных.

Доктор философских наук Р.Л. Лившиц обращает внимание на феномен, который он называет «как бы наукой» [7. С. 92]. Под «как бы наукой» подразумеваются скрытые, закамуфлированные имитации науки. Соответствующие тексты имеют формальные признаки научного стиля, но не обладают научной ценностью. Соглашаясь с этим, мы не вполне разделяем точку зрения Р.Л. Лившица. Автор, основываясь на своем многолетнем опыте анализа околонаучных текстов, считает, что они не удовлетворяют критерию *добросовестности*: в них встречаются грубые нарушения – заглавия не соответствуют содержанию, выводы – поставленным задачам, неправильно используются термины и т. д., и даже не соблюдаются нормы (русского) языка.

Мы же считаем, что такие тексты не выходят за рамки типичной псевдонауки. Для того, что не является наукой, но отличается и от псевдонауки, мы бы предпочли термин «эрзац-наука».

ЭРЗАЦ, -а; м. [нем. Ersatz] Неполноценный заменитель чего-л.; суррогат (1 зн.). Эрзацы жиров. Э. кожи. неизм.; Стаканы с кофе э. Пить эрзац-пиво.

СУРРОГАТ, -а; м. [от лат. surrogatus – поставленный вместо другого] 1. Заменитель натурального продукта, товара, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого; эрзац. С. кофе. С. алмаза. Пищевые суррогаты. 2. чего или с опр. То, что создаёт видимость, иллюзию чего-л. С. духовной пищи. С. счастья. <Суррогатный, -ая, -ое. С. кофе. С-ая кожа. [1]

Выражение «эрзац-наука» нами не придумано. Оно существует, но обычно не отличается от «псевдонауки», «квазинауки» и т. п., т. е. является их синонимом. Мы же употребляем его в *противоположном* смысле и относим к эрзац-науке тексты, в которых соблюдены не только формальные, но и содержательные требования к научному стилю (название текста и его разделов не расходятся с содержанием, выводы соответствуют целям и задачам и т. д.), отсутствуют грубые ошибки (в том числе языковые), но не соблюдается критерий *новизны*. Иными словами, это обычные пролиферативные тексты, способствующие количественному умножению публикаций, но не качественному приращению знания. Крайними выражениями эрзац-науки являются компиляция и плагиат, но чаще мы имеем дело просто с банальными по содержанию, не имеющими научной ценности, выполненными формально диссертациями, монографиями, статьями и др. сочинениями, в которых подменена цель их создания: не поиск (установление) истины, а получение благ, связанных со статусом научного работника, и сохранение этого статуса.

Разумеется, главным критерием демаркации науки и ее симулякров является анализ содержания текстов. Остальные критерии имеют лишь вспомогательный характер. Это (по М.А. Казакову): использование мифологических, религиозных или политических установок в научно-исследовательской работе, апелляция к персональному авторитету людей, далеких от науки, к публицистике или художественной литературе, невозможность опровергнуть или подтвердить истинность теории при утверждении автора о ее безоговорочной истинности, злоупотребление научной терминологией, приписывание научным терминам значений, отличающихся от общепринятых, претензии на бескомпромиссность, «революционный характер», быстрые и новаторские позитивные результаты, которые наука неспособна достичь в принципе или же в данный момент, виктимная стратегия мышления – попытки автора псевдонаучной теории выставить себя жертвой некоего заговора, зависти или консервативных установок, приписываемых науке, апелляция к СМИ вместо научного сообщества [5. С. 141-143] и др.

Однако дополнительные критерии могут быть очень полезны. Необходимо использовать критерии, взятые из сферы *лингвистики*, поскольку ненаучность имеет и внешнее, языковое выражение.

Попытки их определения тоже делаются. Такова, например, статья Е.К. Гуровой с характерным названием «Лингвистика лженаучного текста. Как распознать обман?», в которой излагаются вполне надежные признаки. Прежде всего это темы: магия, экстрасенсорные способности человека, парапсихология, астрология, оккультизм, криптозоология, уфология, креационизм, вечный двигатель, торсионные поля, антигравитация, биоэнергоинформатика, телепатия, телекинез и некоторые другие [3. С. 37-38]. Они, как правило, так или иначе формулируются в заглавии, поэтому еще до чтения текста сигнализируют о его ненаучности.

К собственно лингвистическим особенностям относятся: неконкретность изложения («*согласно результатам экспериментов*», «*учеными было установлено*»), в частности, *тяготение к страдательным и безличным синтаксическим конструкциям;* экспрессивный стиль, «превосходная степень и безудержные эмоции («*новое*», «*небывалое*», «*уникальное*», «*нигде ранее не встречавшееся*», «*эксклюзивное*»); не просто использование специфической лексики (см. выше), но и *ее переплетение с научной* («*Сглаз* – это *биоэнергетический* удар на *лептонном* уровне»), создание бессмысленных или абсурдных сочетаний (например, *контагиозная магия*); злоупотребление иноязычными словами и словообразовательными формантами, например, приставками *мега-, супер-, гипер-, нео-, мета-, транс-*, *употребленными в непривычном контексте* [3. С. 38-39]. Мы считаем особенно ценными наблюдения, которые нами выделены курсивом. Отмечается и такое интересное явление, как написание нейтральных слов с заглавной буквы (*Космос, Красота, Человек, Дух* и т. п.) [4. С. 39] – одна из черт экспрессивного стиля.

Заметим, что большинство названных признаков относится к явно псевдонаучным текстам, а порою и вовсе антинаучным, девиантность которых не нуждается в доказательствах и вполне очевидна уже на уровне заглавия. Однако существует огромный массив эрзац-научной литературы – гораздо менее заметного, даже изощренного симулякра науки, и «распознать обман» в таких текстах гораздо труднее. На этом вопросе мы хотим остановиться подробнее.

Выскажем сначала некоторые предварительные замечания.

Во-первых, мы выводим из сферы описания два явления – антинауку и фолк-науку. Антинаука – то, что *не имитирует науку, а противоположно ей* (магия, оккультизм и т. п.). Она претендует на обладание эзотерическими «знаниями», но оформляет их по-своему. Впрочем, как явствует из примеров, приводимых Е.К. Гуровой, антинаука может формально воспроизводить некоторые признаки научного стиля и даже смешиваться с ним, но происходит это в рамках «эпистемологического анархизма» П. Фейерабенда, т. е. крайней эклектики. Она всё же не претендует на научность, подчеркивает свой альтернативный характер. Синкретических древних текстов, в которых есть элементы научного знания, наряду с другими формами общественного сознания (как, например, астрологических трактатов с использованием небесной механики и математики), мы, разумеется, не касаемся тоже. Фолк-науку мы не характеризуем по иной причине. Она обычно создается настоящими учеными, даже авторитетными в своей специальности, но перешедшими в чужую сферу деятельности. Они хорошо знакомы с требованиями научного дискурса, в целом соблюдают академическую форму изложения материала. Если же отступают от нее, то всё равно остаются в рамках научного дискурса – научно-популярного субстиля. Развенчать и разоблачить их можно главным образом через анализ содержания и методологического аппарата.

Во-вторых, мы будем разграничивать не псевдо-, квази-, пара- и лженауку, а все их в совокупности под названием *псевдонауки* – и *эрзац-науку*.

Начнем с **целей (1)** обоих видов деятельности. У псевдоученых они различны и часто корыстны, но могут быть и вполне альтруистическими. Псевдоученый может желать славы не ради материальных благ или даже быть равнодушен к ней, искренне считая себя первооткрывателем Истины. А.И. Герцен даже говорит, что «дилетанты, находящиеся вне науки, могут иногда образумиться и в самом деле заняться наукой, по крайней мере могут *оставаться в подозрении,* что с ними случится такой переворот. Формалистов (тех, кого мы называем «эрзац-учеными». – *А.Ф.*) в этом никак заподозрить нельзя: они удовлетворились, покойны, дальше идти не могут, они не знают и не могут себе представить, что есть дальше» [2] (курсив А.И. Герцена. – *А.Ф.*).

Псевдоученые рассматривают славу инструментально: как средство распространения своих идей. Точно так же они относятся к своему **статусу (2)** в науке. Иногда они даже гордятся своим дилетантизмом, подчеркивают его – что является лингвистическим маркером, поскольку выражается в соответствующих высказываниях.

Эрзац-ученые осознают свою бесплодность и бездарность, их основная цель – престижное положение в науке, власть и материальные блага. Поэтому они чрезвычайно дорожат своим формальным статусом – причем в *данной* области знания, что отличает их от псевдоученых. Последние могут *афишировать* не только свой дилетантизм, особым предметом их гордости бывает «широта кругозора», т. е. вторжение в несколько *разных* наук. Напротив, эрзац-ученые, прежде всего соискатели ученой степени на защите диссертаций, панически боятся быть заподозренными в выходе за рамки своей узкой специальности, что может помешать достижению их подлинной цели. Этот страх нередко проявляется лингвистически – в излишнем, функционально не оправданном употреблении слов, относящихся к названию данной специальности, в тексте и обязательно в заглавии. Например, автор кандидатской диссертации о лингвокультурологии, защищающийся в совете по лингвистической специальности, без необходимости употребляет слова и обороты «*лингвистика*», «*лингвистический*», «*языковой*», «*языковая среда*», «*языковое сознание*» и проч. и сводит до минимума лексику, связанную с культурологией. При этом его не смущает, что автореферат (или даже сама диссертация) не раскрывает особенностей характеризуемой *конкретной* культуры – целью текста является не это.

Здесь мы затрагиваем важнейший фундаментальный признак эрзац-науки – плеонастичность, тяготение к функционально не оправданным излишествам. Этот признак мы наблюдаем и при рассмотрении других ее маркеров. (См. аналогичное наблюдение Е.К. Гуровой: «Почти всегда создатели подобных текстов пытаются поразить читателя цифрами, именами и регалиями участников, но, в отличие от настоящих, эти цифры огромны, нереальны, непропорциональны» [3. С. 38].)

Отношение к научным авторитетам (3) и **общепризнанному кругу идей (4)** вполне очевидно. Псевдоученые чаще всего либо отрицают или игнорируют (просто по незнанию) корифеев науки, либо ссылаются на их заблуждения и маргинальные интересы (увлечение знаменитого математика нумерологией, психиатра – мистикой и экстрасенсорикой и т. п.). На место общепризнанных ученых могут ставиться авторитетные же представители другой науки или псевдоученые и явные шарлатаны.

Для эрзац-науки характерен культ корифеев, причем не всегда оправданный. Самый яркий тому

пример – так называемые «поминальники» в монографиях и особенно в диссертациях. Один из важнейших для введения в научную работу пункт «Методологическая основа исследования» вообще, как правило, подменяется списком фамилий, в лучшем случае, но далеко не всегда – с называнием их теорий и концепций. Общепринятой практикой является «этикетное» перечисление членов диссертационного совета вне зависимости от того, имеют ли они отношение к защищаемой работе. Кроме того, эрзац-ученые перегружают библиографический список ненужными источниками, проявляя уже упомянутую нами текстовую избыточность. Они стремятся изумить научное сообщество своей эрудицией, не понимая, что это один из главных признаков, вызывающих сомнение у экспертов. (Справедливости ради следует сказать, что в такое заблуждение по неопытности впадают и добросовестные авторы, упоминая всё, что попало в поле их зрения. А зачастую они вынуждены называть не нужные для их исследования труды во имя соблюдения вышеупомянутого «этикета». Так что данный маркер эрзац-науки работает в сочетании с другими.)

Отношение к обязательным позициям (5) научной работы бывает весьма различным. Псевдоученые очень претенциозны и могут уделять повышенное внимание актуальности, новизне, теоретической и практической значимости своих трактатов. В текстах эрзац-ученых формулировки этих позиций, как правило, формальны, стереотипны и неинформативны. Доходит до парадокса: стереотипной оказывается даже новизна! И это происходит не только из-за ее фактического отсутствия. Многие авторы стремятся сформулировать этот пункт как можно непритязательнее, чтобы не вызвать подозрений в «покушении на научную школу».

В эрзац-научных текстах может наблюдаться диспропорция между задачами исследования и конечными выводами – выводов бывает меньше, чем поставленных задач. В добросовестных научных работах перевес обычно склоняется в сторону выводов: автор ставит перед собой скромные и немногочисленные задачи, а результаты оказываются богатыми и разнообразными. Автор эрзац-исследования, напротив, пытается создать иллюзию значимости своего сочинения за счет многочисленных задач, большинство из которых совершенно банальны и излишни. (Нам доводилось читать диссертации, где их количество доходило до 20, хотя по-настоящему актуальны были 4-5.) То же касается и положений, выносимых на защиту. Если соискатель, например, формулирует один из защищаемых тезисов таким образом: «Творчество Франсуа Рабле является образцом карнавальной культуры (М.М. Бахтин)», что он намерен доказывать: карнавальность Рабле, в которой никто не сомневается, или то, что эта идея в самом деле принадлежит М.М. Бахтину, приоритета которого тоже никто не оспоривает?

Разумеется, одним из ярчайших маркеров ненаучного текста является **терминология (6)**. Для псевдонаучных текстов типичны (а) конвенциональные термины других наук, механически, нетворчески и/или произвольно перенесенные в чужую сферу исследования (например, «пассионарная *индукция*»); (б) корректные научные термины в эзотерической, оккультной интерпретации (медицинский термин «*аура*» в значении «биополе»); (в) использование оккультной, эзотерической и т. п. лексики (*прана, чакра* и т. п.); (г) сочинение собственных терминов. Автор этих строк не является специалистом в истории, но скептически относится к концепции Л.Н. Гумилева и, соответственно, к используемым в его сочинениях авторских терминах (таких, как «*пассионарный толчок*», «*пассионарное поле*», «*этническая химера*», «*этнический симбиоз*», вышеупомянутая «*пассионарная индукция*» и др.).

Авторы псевдонаучных или сомнительных в научном отношении трудов тяготеют к метафорике особого рода. Термины-метафоры, в том числе мифологического или сказочного происхождения, типичны и для настоящей науки (*кварк*, названия химических элементов – *гелий, селен, тантал* и др.), но они используются для удобства и выражают природу именуемого объекта. Зато профессиональный *химик* С.Г. Кара-Мурза в *социологическом* трактате «Манипуляция сознанием», говоря о *лингвистических* вопросах, использует блестящую, но крайне некорректную метафору «*слова-амёбы*». Он так называет иноязычные слова, которые предпочитаются их точным русским синонимам. «Слова-амебы», во-первых, не укоренены в русской культуре, и поэтому, во-вторых, лишены смыслового богатства, элементарны, как одноклеточные существа. Идея автора обладает ценностью, потому что сознание, содержащее сложные и семантически богатые слова, образы, понятия, труднее поддается манипуляции. Но сама метафора неудачна. Амебы находятся в сложном взаимодействии с окружающей средой. Но, что важнее, автор, вторгаясь в область лингвистики, выказывает непонимание языковых явлений, о которых говорит. Заимствованные слова отнюдь не являются семантически пустыми для нас: они несут с собою собственный смысловой, ассоциативный ореол. С другой стороны, но они и развиваются, адаптируются к новому языковому и социальному контексту. Метафорический термин «слова-амебы» скорее дезориентирует нас.

Имеет значение и язык заимствования терминов. В традиционной науке это прежде всего греческий и латынь (в том числе и для конструирования новых терминов: *криогеника, атомная физика, транслятология*, т. е. переводоведение). В псевдонауке и, в большей степени, антинауке используются, например, древнеиндийские мистические термины (*карма, мандала, прана, сансара, чакра* и т. п.), причем в буквальном смысле.

В эрзац-науке своё отношение к терминам. Во-первых, авторы строго и даже *демонстративно* придерживаются общепринятой терминологии. Во-вторых, при возможности выбора между родным и иноязычным терминами предпочтение часто отдается заимствованному и менее понятному синониму. То и другое призвано создать эффект наукообразия и закамуфлировать банальность и пустоту содержания (примеры Р.Л. Лившица: «Ресурсность представляется *референтной*»; «*перманентно генерировать*» вместо «постоянно порождать»). Тем и другим авторы обычно *злоупотребляют*, когда мысль можно выразить, не прибегая к специальной лексике, т. е. авторы демонстрируют всё ту же избыточность.

Иногда создаются квази-термины – например, с формантом *-изацij-*: *интернализация* (sic!), *концептуализация*, *операционализация*, и даже *некрофилизация* (!) культуры (примеры Р.Л. Лившица).

Употребление квази-терминологии бывает не лишено экстравагантности. Таково, например, название статьи, претендующей на научность: «*Строматы* образования за рубежом» («строматы», как объясняет автор, – это лоскутья: в данном случае лоскутья зарубежного образования) (пример Р.Л. Лившица).

«Птичий язык» эрзац-ученых обогащается и за счет злоупотребления старославянизмами (в чем выражается глубинное родство эрзац-науки с канцеляритом): «*недоосмысление*», «*смыслоцентрированный*» («ресурсность смыслоцентрированного подхода») (!), «*самопродуктивность*», «*человекообразовывание*» (в той же статье о «строматах»), «*смыслоценностный*» (выбор).

Таким образом, мнимо-научная деятельность сводится к двум разновидностям – псевдонауке (под разными наименованиями) и эрзац-науке. Представители первой могут питать иллюзии, что занимаются поиском истины, вторая же является имитацией науки. Основным дифференциальным признаком для них является нетрадиционность / традиционность, неконвенциональность / конвенциональность по отношению к подлинному научному дискурсу. Эти виды симулякров науки в значительной степени противоположны друг другу, что выражается в типичных для них лингвистических признаках.

Добавим, что наша статья касается в основном гуманитарных дисциплин. Девиантные тексты в сфере естественных наук должны иметь свою языковую специфику, и это задача будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/
2. Герцен А.И. Дилетантизм в науке. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0174.shtml.
3. Гурова Е.К. Лингвистика лженаучного текста. Как распознать обман? // Медиа альманах. 2017. № 5. С. 34-44.
4. Демушов К.Г. О понятии ‘лженаука’ в толковых словарях русского языка. // URL: https://cyberleninka.ru/article/v/o-ponyatii-lzhenauka-v-tolkovyh-slovaryah-russkogo-yazyka.
5. Казаков М. . Псевдонаука как превращенная форма научного знания: теоретический анализ // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. С. 130-148.
6. Конопкин А.М. Особенности структурирования околонаучного знания. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-strukturirovaniya-okolonauchnogo-znaniya.
7. Лившиц Р.Л. Формы имитации науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 4. С. 87-93.
8. Yarovenko S.A., Chernyaeva A.S. Science and Parascience: Review of Literature on the Problem (late XX – early XXI centuries) // Журнал Сибирского федерального ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 7. С. 1234-1248.

Поступила в редакцию 08.04.2019

Флоря Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор
Орский гуманитарно-технологический институт
(филиал) Оренбургского государственного университета
462404, Россия, Оренбургская область, г. Орск, ул. Мира, 15а
E-mail: rytmory@ogti.orsk.ru

A.V. Florya

LANGUAGE MARKERS OF SCIENCE SIMULACRA

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-3-371-376

This article describes two main types of pseudo-scientific activity – pseudoscience and ersatz science. Pseudoscience is in opposition to traditional science and claims to discover the truth by alternative means. Ersatz science is an imitation of scientific activity, without creating new knowledge. The difference between these science simulacra is manifested in their typical linguistic features, for example, in the specifics of terminology. The main distinctive feature of the ersatz science is redundancy, which is manifested in the abuse of terminology (usually borrowed and hard to understand), in surplus citation and appeal to authorities, in the inclusion of sources that are unnecessary for a given text.

Keywords: simulacrum, pseudoscience, ersatz science, marker, scientific style, terminology.

REFERENCES

1. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Complete Explanatory Dictionary of the Russian Language] / gl. red. S.A. Kuznetsov [ch. ed. S.A. Kuznetsov]. Pervoye izdaniye. SPb.: Norint, 1998. Publikuyetsya v avtorskoy redaktsii 2014 goda [First edition. SPb.: Norint, 1998. Published in the author's edition of 2014]. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (In Russian).
2. Herzen A.I. Diletantizm v nauke [Diletantism in Science]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0174.shtml (In Russian).
3. Gurova Ye.K. Lingvistika lzhenauchnogo teksta. Kak raspoznat' obman? [Linguistics of Pseudoscience Text. How to recognize deception?] // Media al'manakh. 2017. № 5. S. 34-44 [Media almanac. 2017. No. 5. P. 34-44.]. (In Russian).
4. Demushov K.G. O ponyatii 'lzhenauka' v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka [On the Concept of 'Pseudoscience' in the Explanatory Dictionaries of the Russian Language]. // URL: https://cyberleninka.ru/article/v/o-ponyatii-lzhenauka-v-tolkovyh-slovaryah-russkogo-yazyka. (In Russian).
5. Kazakov M.A. Psevdonauka kak prevrashchennaya forma nauchnogo znaniya: teoreticheskiy analiz [Pseudoscience as a Transformed form of Scientific Knowledge: A Theoretical Analysis] // Filosofiya nauki i tekhniki. 2016. T. 21. S. 130-148 [Philosophy of Science and Technology. 2016. Vol. 21. Pp. 130-148]. (In Russian).
6. Konopkin A.M. Osobennosti strukturirovaniya okolonauchnogo znaniya [Features of the Structuring of Near-scientific knowledge]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-strukturirovaniya-okolonauchnogo-znaniya. (In Russian).
7. Livshits R.L. Formy imitatsii nauki [Forms of Imitation of Science] // Intellekt. Innovatsii. Investitsii. 2015. № 4. S. 87-93 [Intellect. Innovation. Investments. 2015. No. 4. Pp. 87-93]. (In Russian).
8. Yarovenko S.A., Chernyaeva A.S. Science and Parascience: Review of Literature on the Problem (late XX – early XXI centuries) // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. S. 1234-1248. [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanitarian sciences. Vol. 7. Pp. 1234-1248] (In English).

Received 08.04.2019

Florya A.V., Doctor of Philology, Professor
Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch of) Orenburg State University
Mira st., 15a, Orsk, Orenburg region, Russia, 462404
E-mail: rytmory@ogti.orsk.ru